

* * *

В деревне люди не живут,
а наезжают только летом,
но в красном видится углу
сам Саваоф. Путем поэта,
как будто бы путем зерна,
иду по Норинской. Кругом
сквозь чистый белый снег видна
Россия. Слышен метроном.

О чем ты, северная птица,
поешь в истопленной избе?
Неужто траурные письма
строчишь возлюбленной М.Б.?
Стучит машинка, виски стынет,
и печка шелкает дрова.
Ты допиши своей Марине,
и сядем вместе вечерять.

* * *

Ты, рожденный работать в ватнике стеганом,
прославляющий мир через русскую хтось,
древнегреческий знал, но почти не использовал –
уходил в перевод, как в балтийскую топь.

На друзей-алконавтов арго израсходовав,
некрологи писал – хоть в граните отлей,
не чураясь ни будущей фантазмагории,
ни истории, ни мертвецов, ни теней.

Перед Богом нет эллинов, нет иудеев:
эмпирии не терпят людской суеты,
зато терпят бумага, гусиные перья
и живой гуттаперчевый русский язык –

растворившись в его Ионическом море,
ты похож стал на крупных реликтовых рыб
и уже не по суше гулял – в акваториях –
находивши разломы тектонических плит,

где прячутся греки, евреи, татары,
поделив меж собой временные пласты
и какую-то землю названием «Таврия»
или, если по-русски, Засахаре Кры.

* * *

В провинциальном университете,
на кампусе среди студентов и каких-то хиппи, йиппи или йети
(один Бог знает, что это за дети),
ты создаешь сигаретный дым,

в котором приютился русский норов,
туман у Малой и Большой Невы
и пепел от салонных разговоров,
приятных споров, дружеских подколов,
что, впрочем, тоже навевают сплин.

Энн Арбор, глушь и вечная сонливость.
Спасает «Бушмилс», реже баскетбол,
порюю «Ардис» выдает сюрпризы
(Парнок, Платонов, Бабель, Гиппиус),
но в целом пустота и ничего.

И остаются женщины да память
в элегиях Архангельской зимы:
их можно сочетать друг с другом, разве
не забывать поставить лед и в вазе
подрезать стебли, чтоб цвели цветы.

* * *

Постареешь, обрюзгнешь, нацепишь очки,
на хитон и хламиду заменишь футболку,
на руке будут сонно болтаться котлы,
но уже не для времени – просто, без толку;

по разбитым дорогам завянут шузы,
заржавеют от выпивки медные трубы,
негасимый огонь превратится в пустырь,
а ты сам обернешься надгробием грубым,

на котором легко прочитать пару строк,
пару строк о величии замысла Бога:
«Это был человек, совершенный никто,
но сумел утонуть в ангелическом слог».